

17.07.2011 г.

Лекция №9. Тема: Советский марксизм-ленинизм

1. Основы марксизма-ленинизма
2. В.И. Ленин
3. Марксистская мораль
4. Советская философия

1. Основы марксизма-ленинизма

Советский марксизм состоит из двух основных доктрин - диалектического и исторического материализма ("диамат" и "истмат"). При этом "диамат" является основным общефилософским мировоззрением; "истмат" же есть приложение общих принципов диамата к истории, общественной жизни и отчасти к этике.

Исторически истмат сложился раньше диамата, ибо Карл Маркс, основоположник марксизма, занимался больше историко-социальными и экономическими вопросами и выработкой революционной доктрины, чем чистой философией. Диамат был разработан больше Фридрихом Энгельсом, чем Марксом. Тем не менее общая философская установка - материализм плюс гегелевский диалектический метод - была перенята Энгельсом от Маркса, так что сам замысел диамата принадлежит все же Марксу.

Марксизм, по словам его же основателя, является не только новой в свое время попыткой объяснения мира, но также и теорией действительного изменения мира. И сами марксисты постоянно подчеркивают, что марксизм есть прежде всего революционная теория - "могучее идеологическое оружие в руках пролетариата". Это обстоятельство ставит марксизм, даже как философию, в особое положение. Философия марксизма носит, по замыслу ее создателей, агрессивный характер. Она есть, по слову Бердяева, "философия воинствующего материализма и атеизма".

Хотя Маркс всячески старался быть стопроцентным материалистом, его материализм - не совсем чистокровный, и Энгельс в этом отношении более репрезентативен (представителен). В самом начале своего философского развития Маркс подпал под влияние главного властителя дум интеллектуалов всех культурных стран 30-х годов 19 столетия Гегеля. Особенно сильно было влияние Гегеля в России. Философия Гегеля представляет собой грандиозную попытку понять все мироздание и особенно историю человечества как процесс самораскрытия Абсолютного, которое Гегель часто называл также Идеей или Мировым Духом. У Гегеля идеализм был продуман до последовательного конца, приведен во всеобъемлющую систему и, главное, приложен к историческому процессу.

Диалектика для Гегеля была не столько методом, сколько способом бытия. В начале Абсолютное существует только "в себе" - как единый, вечный и неподвижный мир платоновских идей (первотезис). Как таковой, он изучается, по Гегелю, логикой. Второе диалектическое звено есть антитезис, представляющий собой отрицание тезиса, точнее - его противоположность. Если Дух изначально есть сплошное единство, то антитезисом этого единства является множественность и раздробленность, которую Гегель называет

"вне-себя-бытием". Этот первичный антитезис есть природа - где каждая вещь находится вне иной вещи, каждое бытие следует за предшествующим и где причина порождает следствие, также находящееся уже вне причины. Третьей ступенью должен быть синтез, в котором тезис и антитезис даны в их единстве. Этот первичный синтез есть история, в процессе которой Абсолютное (т. е. Бог) реализует себя в самосознании человека. Здесь бытие существует как бытие "в себе" и "для себя".

История человечества изучается рядом наук - самой историей, психологией, этикой, эстетикой, историей религий, но прежде всего царицей наук - философией. Наилучшим примером диалектики в области понятий может служить следующий ход мысли, с которого Гегель начинает свою "Науку логики".

Философия должна начинать с самого общего понятия, переходя затем к понятиям более конкретным. Наиболее общее понятие есть понятие бытия. В нем, по замыслу, должно содержаться все, что есть. Но при попытке конкретно помыслить себе это понятие мы видим, что оно настолько обще и широко, что мы не можем здесь представить себе что-нибудь определенное. Понятие бытия оказывается на поверку пустым и бессодержательным. По замечанию Шеллинга, этого непосредственного предшественника Гегеля, так понятое бытие есть "ночь Абсолютного, в которой все кошки (явления) серы"... Иначе говоря, бытие превратилось у нас под руками в свою противоположность и свое отрицание - в небытие (в антитезис). Но философская мысль не может на этом остановиться, она идет далее - к синтезу.

Ошибочно думать, что история человечества - стройный, гармонический процесс. Хотя Гегель, в конечном счете, скорее оптимист, чем пессимист (недаром он понимает историю как "прогресс в сознании свободы"), все же периоды антитезиса - трагические периоды истории. Мало того, по Гегелю, мир и благоденствие - мещанские идеалы, и в условиях покоя человеческий дух засыпает. Он называет поэтому такие спокойные периоды "пустыми страницами истории". Всеобщая гармония наступит лишь в самом финале мирового процесса. При этом все ценное в прошлом, даже если оно временно разрушается, рано или поздно восстановится в новом, лучшем виде. Память Мирового Духа, говорит он, ничего не забывает и содержит в себе "все".

Одновременно он подчеркивает, что философия не творит историю, а осознает ее и что философская мудрость завершает диалектику. Философия - поздний плод духа. Говоря словами Гегеля: "Сова Минервы только в сумерки начинает свой полет".

Важно иметь в виду, что эта философия Духа, покоровшая умы столь многих интеллектуалов Европы и Америки (существовало и американское гегельянство), оказала неизгладимое влияние на молодого Маркса. Самые ценные в философском отношении труды Маркса написаны еще до "Капитала". Вскоре после смерти великого мэтра (1831) гегелевские

последователи разделились на два лагеря - так называемых правых и левых гегельянцев.

Правые гегельянцы придерживались доктрины своего учителя даже в его политических взглядах: Гегель был конституционным монархистом консервативного толка и видел в современном ему прусском бюрократическом государстве верх политической мудрости. Левые же гегельянцы делали из его философии революционные выводы. Ведь учил же великий мэтр о "мощи отрицания" и о прогрессивности антитезиса, отрицающего и даже разрушающего существующий порядок вещей.

Бакунин - в молодости левый гегельянец - написал в этом духе свои знаменитые слова: "Страсть к разрушению есть творческая страсть". В свою очередь, Герцен назвал гегелевскую диалектику "алгеброй революции".

Главным представителем левого гегельянства был Людвиг Фейербах, автор глубоко атеистической книги "Сущность христианства", которая оказала значительное влияние на Достоевского, увидевшего в философии Фейербаха опасный соблазн.

Достигнув зрелой стадии своего развития (по Фейербаху, эта зрелая стадия началась в XIX веке), человечество отринет Бога, и та духовная, благодатная энергия, которая уходила до сих пор бесполезно в Ничто, обратится теперь на людей как царей земли; тогда настанет новый Золотой век.

Карл Маркс испытал на себе сильное влияние Фейербаха, сам под его влиянием стал материалистом и использовал мысли Фейербаха для своего атеизма. Однако Маркс вульгаризировал идеи Фейербаха, образцом чего может служить знаменитый Марксов лозунг "Религия - опиум народа". Ленин же, как увидим позже, заострил мысли Фейербаха и Маркса до степени антигуманистического воинствующего атеизма.

Маркс развил в своем материализме основные мысли Фейербаха. Подобно последнему, Маркс видит первореальность в материи (диалектически понятой); духовную же жизнь он понимает как нечто вторичное. Идеальное, пишет он, есть не что иное, как реальное, только пересаженное в голову человека. В этом смысле Маркс с гордостью утверждает, что философия Гегеля, образно говоря, стояла на голове; он же, Маркс, поставил ее на ноги. "Мой диалектический метод, - писал Маркс в предисловии к "Капиталу", - в основе своей не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью". Для Гегеля процесс мышления, который он, под именем идеи, превращает в самостоятельный субъект, является как бы Демиургом действительности, которая представляет собой лишь внешнее выражение этой идеи.

Далее, Маркс, вслед за Фейербахом, утверждает, что человек есть всецело природное существо; однако, в отличие от животного, человек не только продукт природы, но и сам творчески воздействует на природу, видоизменяя ее посредством труда. Поэтому способы производства имеют основоположное значение для структуры общества. Отсюда вытекает знаменитый в свое время основной тезис марксизма - учение о базисе и

надстройке. Базис, по своей природе, носит экономический характер, охватывая способы и орудия производства (плюс классовая структура общества, определяющая собственность на эти способы и орудия).

Всякая "идеология" (в расширенном смысле этого слова - включая, наряду с социально-политическими идеями и системами, религию и философию, науки и искусства) есть лишь "надстройка" над экономико-классовым базисом. История человечества есть история драматических смен одного строя другим - от первобытного коммунизма, через рабовладение, феодализм и капитализм, к социализму и, наконец, к коммунизму, уже не первобытному, а цивилизованному.

Предыстория всего этого диалектического и величественного процесса началась тогда, когда один из видов обезьян, вполне в духе Дарвина, случайно стал первобытным, но человеком. Как неподражаемо-сатирически сказал по этому поводу Абрам Терц (Андрей Синявский): "Обезьяна поднялась на задние ноги и начала свое диалектическое и победное шествие к коммунизму".

Когда капиталистическая эксплуатация достигает невыносимой стадии, происходит социальная революция, ликвидирующая капиталистов и их прислужников и освобождающая рабочий класс. Но, придя к власти, рабочий класс сохраняет и даже развивает капиталистическую технику, становясь хозяином. Формальная демократия, характерная для капитализма, становится подлинной демократией, поскольку трудящиеся массы, производители, становятся коллективным собственником средств производства.

По учению Маркса, религия играла в свое время прогрессивную роль. Но поскольку христианство начало и продолжало активно поддерживать феодальный, а затем, в меньшей, но осязаемой степени, капиталистический строй (и прежде всего - поскольку Бога нет), религия становится реакционным фактором, особенно в переходную от капитализма к социализму фазу и далее. В частности, религия примиряет человека с судьбой (по-марксистски, читай: с эксплуатацией человека человеком). Долгом же всех прогрессивно мыслящих является борьба за наступление царства социализма и коммунизма, когда со всякой эксплуатацией будет покончено.

По Марксу, прямые гонения на религию - вредны, ибо действие вызывает противодействие. Религия и идеалистическая философия должны будут отмереть сами собой. Тогда закончится период "самоотчуждений человека", порожденный делением общества на эксплуатирующих и эксплуатируемых.

Классический марксизм построен не только на разоблачениях лицемерия капитализма, но и на мессианской мечте о Золотом веке, перенесенном из прошлого в будущее, - на вере в грядущую мировую гармонию. Но путь к грядущей гармонии ведет через социальные революции и насилия. *Насилие, говорит Энгельс, есть "повивальная бабка истории". Здесь налицо атеистическая, мессианская псевдорелигия, в которой Маркс*

развил идеи Фейербаха и в которой заключается главная одушевляющая идея марксизма.

Главное философское значение Энгельса заключается в систематизации мыслей Маркса и, особенно, в разработке системы диалектического материализма, только намеченного Марксом. Эта система диалектического материализма послужила прообразом "диамата" в его советской редакции, о котором у нас будет речь далее.

В последней четверти прошлого века немецкие марксисты Бернштейн и Каутский, каждый по-своему, произвели ревизию прикладного марксизма в направлении замены революционного пути путем эволюционным, вплоть до рекомендаций отстаивания интересов рабочего класса легальным, в том числе парламентским, путем. Русскому марксисту Плеханову удалось литературно стройнее изложить общую теорию марксизма, чем Энгельсу, и применить ведущие идеи марксизма к полемике с инакомыслящими, главным образом, с русскими народниками (Михайловским и Лавровым). Ничего существенно нового к марксизму Плеханов не прибавил, но стройность изложения и выдержанная в академических тонах полемика против недругов и "извратителей" марксизма подкупали его многочисленных читателей. По словам самого Ленина, на трудах Плеханова воспиталось целое поколение русских марксистов, в том числе и сам Ленин в молодости.

2. В.И. Ленин

Оставаясь во многом верным Марксу, Ленин по существу оторвался от классического марксизма и открыл в его истории новую страницу, которая состоит в следующем:

1) Желая оставаться верным Марксу и Энгельсу, Ленин значительно упростил философию марксизма. В Марксе, и менее в Энгельсе, еще живо было наследие немецкого идеализма, хотя они и отвергали это наследие. Например, мысль Маркса о том, что коммунизм восстановит "истинную сущность человека", звучит в духе идеализма, а не материализма. Ленин же вытравил из марксизма те остатки идеализма, которые в нем еще содержались, и ценой этого обеднения марксизма сделал его стопроцентно материалистическим.

2) В области диалектики Ленин завершил тот упор на антитезис, в ущерб синтезу, который содержался уже у Маркса. Так, Ленин прямо говорит, что антитезис, противоречие есть главное в диалектике, синтез (соединение) же носит временный, преходящий характер. Не философские, а политические соображения привели Ленина к этой абсолютизации антитезиса, если мы вспомним, что антитезис, отрицание есть философский прообраз разрушения или, конкретно говоря, тоталитарной революции.

3) В области философии истории новым в ленинизме является учение о примате политики над экономикой, по крайней мере в переходные социальные периоды (вспомним, что, согласно классическому марксизму, политика есть лишь концентрированное выражение экономики). Именно утверждение примата политики над экономикой было тем козырем, которым

Ленин бил противников, когда ему указывали на то, что Россия экономически, индустриально, еще не созрела для социализма.

4) С этим тесно связан знаменитый ленинский тезис о "партийности философии", дающий ленинцам фактически право на необъективность.

Маркс, Энгельс и даже Плеханов говорили о социальных классах как о борющихся между собой социальных реальностях, политические же партии были для них лишь активными выразителями классовых интересов. Но под рукой Ленина партия из средства превратилась в самоцель. Философия, по Ленину, должна быть партийной, иначе она вырождается в культ чистой мысли, или, говоря его языком, впадает в "ложный объективизм". На естественный вопрос о том, как это совместимо с объективностью, не ложной, а настоящей, Ленин дает много ответов. Но суть этих ответов сводится к тому, что сам исторический процесс имеет, так сказать, врожденную тенденцию к коммунизму, или, выводя мысль Ленина на чистую воду, что сама история партийна.

Эти четыре элемента - стопроцентный материализм, примат антитезиса над синтезом в диалектике, примат политики над экономикой и принцип "партийности философии" - исчерпывают собой новизну ленинизма по сравнению с классическим марксизмом.

Ленин, которого Плеханов упрекал ранее в "равнодушии насчет философии", рьяно принялся за чтение Гегеля, Маха и Авенариуса, когда обнаружилось, что значительная часть интеллектуальной элиты большевистской партии, в том числе Богданов, Валентинов и Луначарский, сделали попытку поставить марксизм на философскую базу неопозитивизма, заменив его догматический, как они утверждали, материализм.

Засев за источники, Ленин написал в 1908 году свой "Материализм и эмпириокритицизм", в котором он дал гневную отповедь "философским ревизионистам". В самом термине "диалектический материализм" содержится совмещение двух главных утверждений:

1) Основой всякого бытия является материя, которая, в духе диамата, часто отождествляется с бытием вообще. Дух, сознание есть нечто производное от материи. В этом смысле "бытие (читай: материя) определяет сознание".

2) Материя понимается, однако, в диамате не как пассивная субстанция, а как сущность, способная к самодвижению и саморазвитию, то есть как бытие, наделенное творческими потенциями. Так понятая материя не просто меняет свои состояния, а развивается по законам диалектики. Мы уже знаем, что диалектикой у Гегеля назывался метод нахождения истины через раскрытие противоречий (тезис и антитезис) и через преодоление этих противоречий в синтезе.

По интерпретации Гегеля Энгельсом, принятой советскими философами, существуют три основных закона материалистической диалектики:

1. Переход количества в качество (количественное накопление постепенных изменений вызывает качественный скачок, радикальную перемену сути явления).

2. Единство и борьба противоположностей (в едином явлении возникают противоположности, борьба которых ведет к победе нового, антитезиса).

3. Отрицание отрицания (антитезис, отрицающий тезис, в дальнейшем развитии сам отрицается новой противоположностью, уже более высокого качества, выступающей как синтез).

Под диалектическим развитием в диамате понимается развитие как результат борьбы противоположностей - в природе и в истории. Не простой рост, не постепенная эволюция, но скачкообразные переходы "количества в новое качество": спонтанная революция является главной чертой, характеризующей развитие материи. Энергичная характеристика этого саморазвития материи дана Лениным: "Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе (отрицание отрицания); развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное", - таково "диалектическое понимание развития". Обратим внимание на это, пусть метафорическое, перенесение понятий социально-политических (революция) в недра материи. В этом сочетании традиционного материализма с идеей диалектического развития заключается главное своеобразие и главный пафос диалектического материализма. В связи со всем этим диамат, как известно, отрешивается как от философского идеализма, представляющего собой, по словам Ленина, "дорогу к поповщине", так и от традиционного, механического материализма, называемого презрительно "вульгарным".

Изложенная в самых общих чертах схема диамата страдает рядом внутренних противоречий и недомыслий. И эти противоречия не те, о которых Гегель говорил, что они "ведут вперед" - к новому синтезу. Нет, противоречия диамата никуда не ведут, они просто, пользуясь выражением того же Гегеля, "взаимно пожирают друг друга". Прежде всего, принципиально непонятно, как высшие формы бытия могут возникать из низших, если не вложить в низшие формы - иначе говоря, в материю в собственном смысле - по крайней мере потенции высших форм, какие-то целенаправленные тенденции развития. Диамат же признает первично только категорию причинности, целесообразность появляется лишь на высших стадиях развития.

Но вложить в материю эмбрионы духовности значило бы одушевить материю, на что диамат пойти не может. Если же признать, что высшие формы возникают из низших путем "иррационального скачка", то это значило бы ничего не объяснить. Такое "творчество из ничего" противоречило бы, к тому же, той идее причинности, за которую диамат должен держаться. Иначе это посягнуло бы на веру диамата в рационально-научную объяснимость всех явлений.

Ради вящего торжества железного закона причинности марксизм жертвует свободой воли, причем не только на практике, но и в философской теории. Маркс и все марксисты отрицают свободу воли в теоретическом плане (хотя много говорят о свободе в плане практическом). Ибо признание метафизической свободы воли было бы, в их глазах, прямым посягательством на всесильность закона причинности. В этом духе Ленин презрительно отвергал "вздорную побасенку о свободе воли".

Наиболее характерно для этого марксистского противоречия высказывание Плеханова, который писал: "Производительное воздействие человека на природу порождает новый род зависимости человека, новый вид его рабства, - экономическую необходимость". Но когда человек сознает это, тогда создается возможность нового и окончательного торжества над необходимостью, торжества разума над самим законом причинности. Когда человек подчинит своей воле производственные отношения, "тогда оканчивается царство необходимости и воцаряется свобода".

Из внутренних противоречий и недомыслий диамат пытается выпутаться посредством ряда искусственных приемов. Отметим тут два:

1) Диамат различает философское и естественно-научное понятие материи. Что касается последнего, то оно меняется - как это открыто признается - с ходом развития естественных наук. А что касается философского понятия материи, то диамат незаконно расширяет понятие материи, так что оно совпадает с понятием бытия вообще! Таково, например, определение материи Лениным: "Материя есть объективная реальность, данная нам в ощущениях". Для непосвященных в подводные камни философии определение это может показаться даже убедительным. Но, спрашивается, есть ли, по диамату, какая-либо иная реальность, которая не дана нам в ощущениях? Иначе не имело бы смысла "определять" материю, ибо всякое определение определяется через общий род и специфический признак. В другом месте Ленин честно (на этот раз) признается, что материя неопределима через род и вид, именно потому она есть всеобъемлющая реальность. Что это, как не философский догматизм (бездоказательное утверждение) и не фидеизм (принятие тех или иных утверждений на веру)? Но диамат с ужасом отрешивается (на словах) от всякого догматизма и фидеизма, видя в обоих "прямой путь к поповщине". Итак, **диамат догматически основывается на вере в материю.**

2) Диамат протестует против "сведения высших форм к низшим". Но он все-таки производит это сведение, утверждая, что "дух, сознание производно от материи" и что "бытие определяет сознание". Здесь перед диаматом открылись бы два пути: или - назад, к "вульгарному" материализму; или - вперед, к признанию автономии духовного начала, то есть к идеализму. Ни на один из этих путей диамат встать, конечно, не может - и пребывает поэтому в неразрешимом противоречии. Ибо "диалектика и материализм - две вещи несовместные" (Вышеславцев).

Необходимо привести несколько соображений относительно "материалистической диалектики", в ее отличии от классической диалектики

Гегеля. Как достаточно хорошо известно, у Гегеля противоречие было лишь важным моментом в достижении гармонического синтеза. Если Гегель и преувеличил "мощь отрицания", в чем его обвиняли некоторые критики, то все же для него последним словом был высший синтез.

Иное наблюдаем мы в материалистической диалектике. Здесь второму моменту триады, антитезису, приписывается главное, синтезу же - побочное значение. Этим грешили уже Маркс и Энгельс, но Ленин довел это до конца. Согласно ленинской интерпретации диамата, второй закон диалектики - единство и борьба противоположностей - является главным, третий же закон - отрицание отрицания (синтез) - характеризуется как нечто вторичное, неустойчивое.

Эта абсолютизация противоречия продиктована отнюдь не философскими, а политическими мотивами, ибо антитезис был для Ленина философским прообразом революции. Не случайно поэтому, что Сталин - автор знаменитой в свое время четвертой главы "Краткого курса истории ВКП(б)" - пошел дальше Ленина и втихомолку похоронил закон отрицания отрицания, то есть, по существу, ликвидировал синтез. Именно втихомолку, так как официально "закон" не был отменен. О нем просто перестали писать и говорить по причине того, что на буржуазном Западе социальные противоречия носят-де антагонистический характер, а у нас, при социализме, они неантагонистичны. После смерти Сталина закон отрицания отрицания был восстановлен в своих правах, но восстановлен как-то вяло.

На основании всего вышеизложенного мы вправе поэтому сказать, что для марксистов первично важен именно второй закон диалектики - единство и борьба противоположностей (Ленин писал курсивом: борьба), - как философский прототип "большевистской непримиримости". Но этот культ противоречия, борьбы вплоть до уничтожения, который Ленин довел до абсурда, идет все же, как мы упоминали, от Маркса, который в подтверждение этого своего взгляда, любил приводить слова древнегреческого мыслителя Гераклита: "Война есть отец всех вещей". Однако и он сам, и марксисты почему-то не приводят продолжения этого афоризма, в котором говорится: "И гармония есть мать всех вещей".

Марксу невыгодно было бы признать, что, согласно столь чтимому им Гераклиту, принцип гармонии не менее важен, чем принцип борьбы. Для иллюстрации своей мысли Гераклит приводит метафорический символ "лука и лиры". Натянутый лук со стрелой символизирует принцип борьбы, а готовая издавать гармонию лира есть символ мира. Оба принципа, по Гераклиту, взаимно дополняют друг друга, образуя, по его же слову, "невидимую гармонию, которая прекраснее, чем видимая".

Принцип гармонии, мира, однако, не только равноправен принципу противоречия, борьбы, но в каком-то смысле первичнее последнего. Ибо абсолютное противоречие означало бы войну всех против всех, то есть хаос, который приводит ко взаимоничтожению. В противоположность этому, абсолютная гармония, безмятежный мир, хотя и являются недостижимым

практически идеалом, не содержит в себе внутреннего противоречия. Ибо война существует ради мира, а не мир ради войны.

Эти соображения прекрасно изложены в книге Вышеславцева "Философская нищета марксизма" - лучшем до сих пор критическом разборе философии марксизма.

Материалистическая диалектика есть величайшее извращение истинной диалектики. Настоящая диалектика и настоящая метафизика стремятся к преодолению противоположностей в высшем синтезе. И, вопреки безграмотному марксистскому противопоставлению диалектики метафизике, сама диалектика переходит тогда в метафизику. Исключения в этом отношении не представляет и диамат. Чем, как не метафизикой, является утверждение, что "материя есть основа всякого бытия", и само "философское" определение материи как "того, что производит ощущения". Метафизика есть учение о сущности вещей, а, по диамату, такой сущностью является материя. Это - уже метафизика, только дурная метафизика!

Разве не "метафизической" является, например, материалистическая попытка объяснить возникновение жизни из неорганической материи путем диалектического "скачка", "перехода количества в качество". Теория самозарождения жизни не подтверждается наукой. Да и чисто философские рассуждения приводят к мысли, что в органической жизни решающим фактором является особая структура материи, оформление материальных элементов в особой конструкции.

Но оформление предполагает наличие оформляющего начала - "формы". Это знал еще Аристотель, и теперь наличие такого формирующего и организующего начала признается большинством современных философов. Чтобы хоть словесно выпутаться из этого затруднения, диаматчики должны наделять материю такими чудесными свойствами, как способность к саморазвитию, способность порождать мыслящий дух и так далее. Это - еще чудеснее, чем доктрина о творении мира Богом из ничего. Но Бог есть Всеблагой и Всемудрый Промыслитель, и производить сверхъестественные чудеса для него естественно. Вера же диаматчиков в Материю - неестественна! Здесь снова мстит за себя исконное противоречие диамата: противоестественное совмещение материализма и идеализма.

По диамату, изначально существует лишь слепая материя, изменения состояний которой подчиняются лишь закону причинности (также слепой). Каковы же шансы того, что комбинация материальных частиц, движущихся "вслепую", может породить органическую жизнь и затем создать человеческое сознание? Возьмем для конкретности пример: каковы шансы на то, что, бросая кости, я буду выкидывать только шестерку миллионное число раз? Каковы шансы на то, что слепая комбинация движений материальных частиц создаст рояль, который к тому же будет автоматически играть сонату Бетховена? Ясно, что шансы этого чуда бесконечно малы, практически равняясь нулю.

Между тем, утверждая "случайное" зарождение жизни и ее развитие до высших форм, диамат утверждает, по существу, именно такое чудо,

притом повторяющееся бесконечное число раз во Вселенной. Станным при этом остается, почему слепая природа может создать такое сложное явление, как человеческий организм, обладающий сознанием, а не может создать, скажем, поезда, который, несмотря на всю свою сложность, все же относительно проще, чем человеческий организм. Выходит, что природа не может сама создать машину, но может создать нечто бесконечно более сложное - человека с его мыслящим духом!

При этом, если вероятность появления организма в изначально мертвом мире бесконечно мала, то появление психики и сознания, с точки зрения "чистого" материализма, является совсем уже непонятным чудом.

И, как ни протестуют диаматчики против обвинений по их адресу в фидеизме (вера выше разума), они, по существу, фидеисты, так как верят в Материю. Материя является для них как бы беспомощным псевдонимом Бога-Творца, признать бытие Которого им мешает философское упрямство и, главное, слепая ненависть к религии.

3. Марксистская мораль

Революционным марксистам удалось заразить и даже вдохновить в свое время миллионы людей именно своим призывом к установлению царства социальной справедливости и гармонии (пресловутый "скачок из царства необходимости в царство свободы"). Зараженные этими (как будто высокими) идеалами, многие коммунисты шли не только на жестокости, но и на страдания, на смерть ради приближения этой социальной гармонии, в которой будет, наконец, покончено с "эксплуатацией человека человеком".

Однако и на деле, и в теории дела с коммунистической моралью вовсе не блестящи. Скорее наоборот. Маркс и Энгельс, а особенно Ленин и Сталин в своих не рассчитанных на пропаганду заявлениях цинически насмехались над идеями вечной справедливости и над проповедниками социального мира. Идеи добра и зла, справедливости или несправедливости были для них только идеалистической "отрыжкой поповщины" (выражение Ленина), которые способны лишь прикрывать благочестивыми сентенциями факт "эксплуатации трудящихся".

В противовес этой "идеалистической этике" коммунисты выдвигают этику "революционной целесообразности", согласно которой хорошо все то, что способствует пролетарской революции и построению социализма, и плохо все то, что препятствует этому. Отсюда, принципиально говоря, не так уж далеко до известного афоризма дикаря: "Хорошо - это когда я увожу у другого корову, плохо - когда у меня уводят корову". Но подлинная этика должна быть общечеловеческой, общеобязательной, она должна быть, как это показал Кант, "категорическим императивом", а марксизм смеется над идеей общечеловеческой этики.

Выступить официально с этикой вседозволенности марксизм не может себе позволить. Коммунизм любит рядиться во фразеологию "гуманности" и "прогресса". Принципиальному, и притом теоретически "обоснованному", аморализму коммунистов противоречит их

псевдогуманная фразеология. Ведь даже концлагеря рабского труда назывались на официальном языке "исправительно-трудовыми лагерями".

В своей этике, пытающейся обойтись без моральных категорий, марксизм вступает в противоречие сам с собой: ведь само понятие "эксплуатация", положенное в основу "Капитала", есть понятие этического порядка, в котором содержится моральное осуждение этой эксплуатации.

По существу, неписанный лозунг коммунистической этики - "цель оправдывает средства". Но ведь даже возвышенная цель дискредитируется применением аморальных средств. Фанатики социальной утопии превращаются в садистов-человеконенавистников, в лжецов, правду подменяющих "пропагандой". Самое скверное в коммунизме - не столько экономические нехватки, сколько ложь на каждом шагу. Подданные коммунистического царства принуждены жить в отравленной атмосфере тотальной лжи.

4. Советская философия

Советская философия началась сразу после Октябрьской революции. Но очень скоро разгорелась гражданская война и наступил период так называемого "военного коммунизма". Большевикам было в это время не до философии. Поэтому "диктатура пролетариата" не распространялась тогда на философский фронт. Именно потому в первый период терпелось идеологическое разномыслие в области философии, продолжали издаваться книги и брошюры Бердяева, Лосского, Франка и других религиозных философов. Бердяев даже одно время читал религиозно-философские лекции рабочим, и с успехом.

Но в 1922 году этим вольностям настал конец. Религиозные и вообще идеалистические философы лишились кафедр и вскоре были высланы за границу. В том же году был основан философский журнал "Под знаменем марксизма", под сенью которого советские марксисты приступили к "творческому развитию марксизма". Тут не обошлось без курьезов: некий Минин, убежденный большевик, выкинул лозунг "Философию за борт", считая, что время "всяких философий", как он выражался, прошло. Но этим крайне возмутился сам Ленин, и Минина убрали.

Советские марксисты взялись за систематическую работу. В 1925 году была впервые опубликована "Диалектика природы" Энгельса, содержащая в черновике систематическое изложение диалектического материализма. Это событие явилось стимулом для внутривнутрипартийной философской полемики, получившей известность как спор между механистами и диалектиками. При этом механисты, во главе которых стоял Бухарин, подчеркивали материализм диамата за счет диалектики, которую они считали лишь подсобным методом. Диалектики же, во главе с профессором Дебориным, считали именно материалистическую диалектику главной сутью марксизма.

Механисты, главным образом Аксельрод и Каммари (Бухарин мало принимал участия в полемике), защищали автономию естественных наук против философской диктатуры. В плане философском они считали, что все

качественные изменения могут быть рано или поздно сведены к количественным и, так сказать, материализованы. В идее развития они более подчеркивали эволюцию, чем качественные скачки и чем революцию (которая, по их мнению, есть лишь частный, крайний случай эволюции).

В противовес этим и иным утверждениям механистов Деборин, Дынник и другие диалектики считали, что механисты, в сущности, хоронят диалектику по первому разряду, в то время как в ней заключается главная философская сила и ценность диамата. В частности, они подчеркивали, что в схеме механицизма теряется революционный пафос, ибо диалектика, с ее моментом антитезиса, является философским прообразом революции. Деборин был единственным, может быть, советским философом, который не только исполнял "социальные заказы" в философии, но и пытался мыслить последовательно. В своем подчеркивании коренного значения диалектики он стал наделять материю творческим потенциалом. Иначе, рассуждал он, остается непонятным, как материя из силы, действующей слепо-причинно, развилась до степени органической жизни и, наконец, до степени сознания. Его ближайший ученик Дынник, имея в виду новейшие открытия физики, заявил, что материя не только пространственна, но и сверхпространственна. А сам Деборин приписал материи способность мыслить (!) - правда, на высших ступенях своего развития. До этого не домысливался еще ни один марксистский философ.

Полемика эта приобрела очень ожесточенный характер и явно нарушила единomyслие "философского фронта". Возвысившийся к тому времени Сталин решил положить ей конец. Сначала, на специальном заседании философов 27 декабря 1929 года, Сталин обрушился на механистов, как на ликвидаторов революционного духа в философии, этим самым обеспечив победу деборинцам. Но ненадолго! В личной беседе с советскими философами он выступил затем против Деборина; диалектическое учение было им забраковано в качестве "меньшевистствующего идеализма". Сразу же после этого против Деборина была поднята философская травля. Застрельщиками здесь выступали, главным образом, новые тогда имена в советской философии - Митин и Юдин.

На специальном заседании ЦК партии от 25 января 1931 года "деборинский уклон" был осужден и Деборин снят со всех ответственных постов (в личном плане он не пострадал).

С 1931 года начался сугубо "сталинский" период советской философии, который кончился примерно в 1947 году. В противовес внутренней полемике и вообще оживлению марксистской мысли предыдущего периода этот период отличается творческим застоем. После печальной судьбы бухаринцев и деборинцев советские философы "забоались" творчески развивать марксизм. Единство философского фронта было установлено, но ценой утери творческого импульса.

Работники философского фронта повторяли до одурения старые формулы Маркса, Энгельса, Ленина и, как говорилось, других "классиков

марксизма", но других-то уже и не было. Философские статьи и книги этого периода пестрят цитатами, по поводу чего родилось даже выражение "цитатный марксизм", или "цитатничество". Но цитировать было безопаснее, чем пытаться мыслить сколько-нибудь свободно.

В 1938 году появился небольшой по объему труд И.В. Сталина "О диалектическом и историческом материализме", вкрапленный в "Краткий курс истории ВКПб" в качестве одного из разделов четвертой главы.

Нового в этом труде ничего нет, кроме умалчиваний о некоторых важных аспектах диамата. Зато в смысле доступного изложения и тона навязчивого вдалбливания в головы азов философии марксизма эта глава является в своем роде достижением. Если в смысле философском это - упрощение, то в аспекте массово-педагогическом работа Сталина представляет собой выдающееся явление в философии марксизма (она вышла потом, массовым тиражом, в виде брошюры). Обобщая, можно сказать, что Маркс создал философию марксизма, Энгельс ее систематизировал, Ленин упростил и обострил, а Сталин вульгаризировал. Разумеется, советские критики захлебывались от восторга, и один из них назвал брошюру Сталина "вершиной марксистского философского мышления".

Согласно одной из самокритичных статей, за весь период с 1931 до 1940 года в советской философии (конечно, кроме брошюры Сталина) не появилось ни одного сколько-нибудь выдающегося по мысли труда. А Жданов заявил публично в 1947 году, что философская продукция СССР совершенно незначительна как по качеству, так и по количеству. Коммунистическая философия этого периода, добавил он, лишена прогрессивного духа, ограничивает свои дискуссии историческими проблемами, давно уже разрешенными, и боится затрагивать новые проблемы. В довершение Жданов обозвал советских философов "трусами". Этот период советской философии закончился к 1947 году. Даже вторая мировая война не вызвала в философии того оживления, какое она вызвала в литературе.

Почему же именно 1947 год стал для советской философии в известном смысле переломным? По-видимому, возникли два главных мотива: призвать советских философов к более продуктивному творчеству, но и снова одернуть их за отсутствие марксистской выдержанности. Поводом к этому послужило опубликование двухтомного труда молодого тогда советского профессора Г. Ф. Александрова "История западноевропейской философии". По всей вероятности, под влиянием раздававшихся и до выступления Жданова упреков в "непродуктивности" решено было составить солидное произведение, и выбор пал на подававшего надежды Александрова.

Труд Александрова, в самом деле, выделялся из массовой продукции философских дешёвок своей эрудированностью и обстоятельностью - и Александров был в 1946 году награжден Сталинской премией. Он задался целью показать, что марксизм и марксизм-ленинизм представляют собой высший синтез и вообще вершину всей мировой мысли. При этом Александров подробно прослеживал, какие именно элементы домарксовской

западной философии вошли в этот синтез. Это-то его и погубило. По наущению свыше, советские критики, ранее хвалившие Александрова, теперь стали находить важные недостатки в его труде. А сам Жданов истолковал основную мысль книги Александрова как стремление показать, что марксизм не представляет собой ничего нового. После этого советские философы, как по заказу, начали еще раз подчеркивать эпохальную новизну марксизма, а сам Александров должен был публично покаяться. Впрочем, лично он не сильно пострадал, для того времени.

В 1947 году был основан новый философский журнал "Вопросы философии", взамен переставшего в 1944 году выходить прежнего журнала "Под знаменем марксизма". Серьезному обсуждению стали подвергаться частные, более или менее нейтральные философские проблемы - например, категориальный анализ (анализ таких категорий, как единство, множественность, причинность, субстанциальность и т. п.). Далее, новый советский журнал стал давать больше информации о современных западных философских учениях. Немалое внимание было обращено на частно-философские проблемы, выдвигаемые современной физикой. Например, теория относительности Эйнштейна, которую с 1922 года принято было только критиковать и отвергать, с 1947 года получила известные права гражданства. Ее, конечно, критиковали, но уже не в прежнем негативном духе, а признавая заслуги Эйнштейна как ученого.

Спустя несколько лет после смерти Сталина и знаменитой речи Хрущева с разоблачениями Сталина (1956 год) для советской философии настал новый период. Он характеризуется в основном теми же чертами, что и предшествующий, но стало немодным и даже нежелательным восхвалять при этом так называемые "философские заслуги" Сталина. В новых советских пособиях по диалектике и истмату третий закон диалектики ("отрицание отрицания", то есть синтез) был восстановлен в своих правах.